

Красный звон

Иван Духин

В Москве, в Юшковом переулке, была церковь св. Николая, прозванная в народе «Красный звон» за удивительное звучание своих колоколов, которыми славилась с давних времен. О «красных звонах» московских церквей рассказывается в исследовании москвича-краеведа, знатока колокольного дела.

Царю Петру и вам, о царь,

хвала!

Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —

Неоспоримо первенство Москвы.

М. Цветаева

В пору великого князя Ивана III на левом берегу реки Неглинной был основан пушечный двор. С того времени литейное дело на Москве приобретает широкий размах. Литейщики именовались пушечных и колокольных дел мастерами. Они в совершенстве владели технической стороной дела и много внимания уделяли художественному оформлению своих изделий. Мастера знали, какое соотношение олова и меди необходимо было для приготовления пушечной бронзы и какое для колокольной, поскольку их назначение было различным: пушка при выстреле не должна разрываться, а коло-

Литье колоколов — высокое искусство

Фрагмент колокола

кол при ударе издавать мелодичный звон.

Началом отливки колоколов большого веса принято считать 30-е годы XVI века, когда в Москве мастер Николай Немчинов отлил два колокола, один из них весил более ста пудов, другой около пятидесяти. С этого времени вес колоколов начал быстро расти.

Колокола и колокольные звоны пришлось по душе русскому человеку, стало развиваться звонарное искусство. Среди его представителей были и особы царского рода. Истории известно пристрастие к колокольному звону Ивана Грозного. Алексей Константинович Толстой отметил эту страсть царя в стихотворении «Василий Шибанов»:

*Звон медный несется, гудит
над Москвой;*

Царь в смирной одежде

трезвонит;

*Зовет ли обратно он прежний
покой
Иль совесть навеки хоронит?
Не часто и мерно он в колокол
бьет,
И звону внимает московский
народ...*

Сын Ивана Грозного, Федор Иоаннович, любил по праздникам позвонить в колокола, за что сам царь окрестил его прозвищем «пономарь».

Уже в то время колокольный звон отличался ритмическими разновидностями и своеобразными фигурами. По некоторым сведениям доказано, что употреблялся постепенный перезвон — от большего до меньшего колокола.

Колокольные звоны сопровождали не только религиозные обряды, но в колокола звонили для оповещения жителей города при нашествии врага, при мятеже, пожаре или иных стихийных бедствиях (набат, всполох), во время «моровой язвы» — чумы («да мимо иде скорбная чаша»), в военных целях — тревога, сбор, передача сигналов.

Звон московских колоколов производил неизгладимое впечатление. Осталось много воспоминаний путешественников, дипломатов от тех времен. Адам Олеарий, посещавший Москву несколько раз, писал: «Ввиду большого количества церквей и часовен в Москве имеется несколько тысяч колоколов, которые во время богослужения дают разнообразный перезвон и мелодию, так что непривычный человек слушает это

с изумлением. Один человек может управлять тремя или четырьмя колоколами. При звоне соблюдается известный такт»¹.

Историк Москвы И.Е. Забелин описывает набатные звоны XVII века: «Мы должны упомянуть о набатных колоколах, посредством которых делались тревожные повестки на случай пожара. В 1668 году был издан указ, как звонить в кремлевские набаты. Всего было принято три набата. Если загорится в Кремле – бить во все набаты, в оба края поскору (быстро). Если в Китай-городе – бить в один Спасский набат (у Спасских ворот), в один край, скоро. Для Белого города – бить в Спасский набат в оба края, и в набат, что на Троицком мосту (у Троицких ворот), в оба же края, но тише. Для Земляного города бить в набат на Тайницкой башне тихим обычаем, бить развалом с расстановкой»².

Нам, теперешним москвичам, не привычным к колокольному звону, живущим в шумной среде, трудно себе представить, как наши предки чутко различали сигналы, подаваемые тем или иным колоколом, но для них это было в обычае: колокол регламентировал жизнь города и каждого его жителя, колокольный звон сопровождал его от рождения и до смертного часа.

В Москве три редких удара в самый большой колокол приносили весть о том, что окончил свой земной путь царь или патриарх. Коронации, которые всегда совершались в Москве, в Успенском соборе, встреча воинов-победителей, праздники оглашали город торжественным многоголосием нескольких тысяч колоколов: по сведениям историков, к концу прошлого века в Москве было 434 церкви, 82 часовни и около 20 монастырей.

На протяжении своей истории Москва не раз захва-

тывалась неприятелем и когда освобождала себя – это было всенародное торжество. Так звон колоколов Страстного монастыря в день 12 октября 1812 года оповестил жителей о том, что французы покинули Москву, – и следом раздался звон колоколов всех уцелевших церквей. Вот как рассказывает о том очевидец событий А.А. Шаховской:

«Сильный трезвон заколебал московское поднебесье. Все как будто встретились и, конечно, с победы Пожарского и всенародного избрания Михаила Федоровича, не было ни одной литургии, петой в Москве с таким умилением и слушанной с таким благочестием; но когда по ее окончании священный клир возгласил славу перед царскими вратами – «Царю Небесный, Утешителю!» – все, наполнявшие монастырское здание, начальники, воины, дворяне, купцы, народ русский и иностранцы, православные и разноверные, даже башкиры и калмыки, служившие в войске, пали на колени, и хор рыданий смешался с священным пением и всеместным трезвонном колоколов»³.

Ну, а как выглядел самый процесс изготовления колоколов? Техника отливки не изменялась веками. Вначале приготавливали из кирпича и глины основание, соответствующее внутренней стопе колокола. Оно тщательно просушивалось. Потом поверхность густо смазывалась салом и начиналась формовка самого колокола. На поверхность стопы накладывали слой глины неравной толщины, сообразно с величиной колокола, то есть этот слой глины соответствовал самому колоколу – колокольной массе. Если колокол должен был иметь орнаменты или портреты на внешней стороне, то их изготавливали отдельно из особой массы воска и канифоли и накладывали по-

верх слоя. Изготовленную модель держали в помещении с достаточно высокой температурой и понемногу, тонкими слоями, обмазывали толченою глиною, смешанной с суслом; как только первый слой этой глины просохнет, накладывали второй, и так много раз, пока не получится довольно толстый слой, который обкладывали кусками глины, обмазывали снова и оковывали обручами. На своем, принятом у литейщиков языке, эту третью форму называли «кожухом».

Изготовление самой формы составляло наибольшую трудность, ее качество влияло на звук колоколов. Когда кожух бывал готов, форму опускали в яму около печи, сильно грели ее посредством топки внутри формы, находящаяся в середине ее масса с изображениями орнаментов и икон от жары растапливалась и посредством блоков кожух легко снимался со стопы. Потом отбивали внутри формы тот слой, который соответствовал колокольной массе. Удалив слой глины из кожуха формы, ее чистили снова, ставили на ступу. Форма для колокола готова.

Ее закапывали в землю, и через желоба пускали расплавленный металл в отверстие кожуха, проделанные там, где располагались уши колокола. Через несколько дней его вместе с формой вынимали из ямы. Форму разбивали, затем шла отделка, очистка от глиняного нагара, проточка и расчеканка.

Вместе с ростом и укреплением Российского государства стремительно рос и вес колоколов, в XVII столетии колокола достигли небывалых размеров и веса. В 1622 году Андрей Чохов отлил колокол «Реут» по нынешнему до 33 тонн. По указу патриарха Иоакима в 1689 году этот колокол был переименован в «Полилейный», но в народе его прозвали «Голодарь», по-

скольку в него звонили в первой неделе поста.

У «Реута» история не только с переименованием. При отступлении из Москвы в 1812 году французы взорвали звонницу, колокол упал с высоты, сам уцелел, но у него отбили уши, впоследствии искусно приделанные. Великим постом 1855 года, во время коронации Александра II в Кремле, «Реут» снова упал и задавил несколько человек, пробив своды колокольни. Митрополитом Филаретом было сказано: «Царство будет хорошо, а конец неблагополучен».

1667 год. Московский мастер Александр Григорьев для Саввино-Сторожевского монастыря отливает колокол опять же по-нынешнему весом 35 тонн. Колокол считался самым благозвучным в России и изображение его вошло в герб Звенигорода. Это был личный вклад царя Алексея Михайловича в монастырь, о чем говорила тайнопись на колоколе. К сожалению, колокол погиб. В 1941 году была совершена попытка снять его, и он разбился.

На протяжении XVII века московскими мастерами были сделаны колокола, яв-

ляющие собой подлинные произведения искусства. Они были необычными по форме – не сплошные, а с прорезями в средней части, с красивой и тонкой орнаментовкой. Один из этих колоколов был отлит Дмитрием Моториным в 1686 году в Покровскую церковь села Медведково с надписью: «Лета 7125 Ноября 23 царственные большие печати и царственных великих посольских оберегатель ближний боярин и Наместник Новгородский Князь Василий Васильевич Голицын приложил сей колокол в подмосковной своей вотчине к церкви Покрову Пресвяты Богородицы, весу в нем 4 пуда 27 фунтов, и сему колоколу быть у той церкви Божией неотъемлемо. Лил сей колокол Дмитрий Моторин».

Колокол находится в Коломенском музее-заповеднике, церковь в Медведкове действует, значит, надо выполнить волю дарителя и восстановить историческую справедливость, вернуть колокол в церковь, и прихожане услышат его голос, который слышали их предки и сто, и двести лет назад.

Моторины отлили много уникальных колоколов, венцом деятельности этой

династии мастеров стала отливка в Кремле в 1735 году царь-колокола весом опять же по-нынешнему в 200 тонн.

Самым торжественным звоном был пасхальный благовест. Еще задолго до полуночи на Ивановской площади в Кремле собирались толпы народа, каждый хотел присутствовать в этот момент и услышать первый удар главного колокола.

В книге Г.П.Георгиевского о праздничных службах и церковных торжествах в старой Москве так описан этот момент:

«Православные с благоговением стремятся насладиться хотя бы чудным благовестом к тем давним службам, которые исстари свершаются в Успенском соборе. В толпе во множестве ждут того же момента и иностранцы, желающие пережить удивительный, по их мнению, «эффект» православной обрядности, равного которому нет ни в жизни, ни в художественных созданиях западноевропейского человека. Едва часы пробили двенадцать, на Иване Великом раздается первый удар пасхального благовеста. Несколько мгновений глубокого благоговейного внимания – и на Иване Великом следует второй удар большого колокола, а вслед за ним разом отзываются все многочисленные колокольни Москвы...»⁴.

В разное время в Москве не было определенного часа для пасхального благовеста, и только в 1849 году Филарет, митрополит московский, узаконил полуночный благовест в пасхальной заутрене и дал московским церквям предписание относительно благовеста и к тому особое примечание: «С особой осторожностью должно наблюдать, чтобы благовест к утрени в день Пасхи нигде не был начат прежде Успенского собора. Все прочие церкви должны слушать первый удар успенского колокола и по второму

Благовест

начать свой благовест»⁵.

Благовест — это звон в один колокол перед началом службы одновременными ударами в оба края, трезвон или красный звон — звон нескольких колоколов в три приема, перезвон — поочередный звон всех колоколов постепенно.

Успенский колокол, о котором упоминает Филарет, был отлит в 1819 году — взамен разбившегося в 1812-м. Работой руководил 90-летний мастер Яков Завьялов, отливавший и предыдущий колокол. На новом колоколе было изображение Спасителя, Успение Божией Матери и московских чудотворцев Петра и Александра. Под изображением святителей — портреты Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I и членов августейшего семейства. Кто мог предположить, что сто лет спустя колокол замолкнет и заговорит лишь в наши дни?

За выполнение столь ответственного заказа владелец завода М.Г.Богданов был награжден большой золотой медалью на Анненской ленте.

Впоследствии заводом стал владеть Павел Николаевич Финляндский, правнук Богданова. Он был фигурой примечательной для своего времени, о чем свидетельствовал В.А.Гиляровский в очерке о Сухаревке:

«Время от времени появляется владелец колокольного завода, обходит всех и отбирает обломки лучшей бронзы, которые тут же отсылает на свой завод. Сам же направляется в палатки антикваров и тоже отбирает лом серебра и бронзы.

— Что вы покупаете? — спрашиваю как-то его.

— Серебряный звон!

Для Сухаревки это развлечение.

Колокол лют! Шушукуются по Сухаревке и тотчас же по всему рынку, а по-

том и по городу разнесутся нелепые рассказы и вранье. И мало того что чужие повторяют, а каждый сам старается похлеще соврать, и обязательно действующее лицо, время и место обозначит.

— Слышали, утром-то сегодня? Под каменным мостом кит на мель сел. Народищу там!..

— В беговой беседке у швейцара жена родила тройню — и все с жеребьячьими головами!..

— Сейчас Спасская башня провалилась. Вся! И с часами. Только верхушку видать...

Новичок и в самом деле поверит, а настоящий москвич выслушает и виду не подаст, что вранье, не улыбается, а сам еще что-нибудь прибавит. Такой обычай:

— Колокола лют!

Истари ходило поверье, что чем больше небылиц разойдется, тем звончее колокол отольется...»⁶

Завод Финляндского выполнял много почетных заказов, но особо значительным стало для него изготовление колоколов для строившегося храма Христа Спасителя. Всего было отлито 14 колоколов. Общий вес их составлял более 4000 пудов, а стоимость с укреплением и повешением по тогдашним ценам была 88 184 рубля 25 коп. — вот такая точность. Девять колоколов имели изображение Святителей и надписи, в основном псалмы из книги «Псалтырь». Повешены они были на четырех колокольных, в трех по одному колоколу, а в четвертой — одиннадцать. Главный, торжественный колокол весом в 1654 пуда был по своему весу третьим в Москве. Снаружи был вызолочен сусальным золотом. На нем шесть рельефных изображений: Спасителя, Божией Матери, Иоанна Предтечи — в верхней части, и надпись: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу»; «Слава тебе, Боже

наш, Слава тебе». И далее — приведем надпись полностью. В средней части были изображения Александра I, Николая I и Александра II и внизу отлито: «В лето от сотворения мира 7385-е, а от воплощения Бога Слова 1877-е, повелением Благочестивого Самодержавнейшего Великого Государя Императора Александра Николаевича, всяя России, вылит сей колокол для Храма во имя Христа Спасителя в Москве, в возблагодарение за явленные свыше благость и милость Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, при нашествии на Россию Галлов и с ними двенадцати языков в 1812 году и на вечную память о в Бозе почивших Императоров Александра I и Николая II. Отлит сей колокол в Москве по подряду потомственного почетного гражданина В.И.Короткова. Лил мастер Ксенофонт Веревкин».

Столь же богато, с изображением апостолов, святителей и надписями из Священного писания были украшены остальные колокола.

За исполнение заказа П.Н.Финляндский получил крест Св. Станислава и большую Золотую медаль. Еще две золотые медали — большую и малую — получил он в память освящения храма в 1883 году.

К сожалению, сохранилось немного сведений об этом замечательном промышленнике. В некоторых изданиях именуют его почетным гражданином Москвы, но неизвестны даже годы его жизни, не обнаружен портрет. Может быть, живут в нашем городе его потомки, помнят о пращуре, хранят его документы и награды?

А колокола завода Финляндского пользовались огромным успехом. При этом надо учитывать конкуренцию действовавших в России более двадцати других колокольных заводов.

Обычно завод давал ин-

струкцию для правильного обращения с колоколами. Язык, присланный заводом, ни в коем случае не мог заменяться другим, его вес нельзя было увеличивать подвешиванием дополнительного груза. Особо подчеркивалось: звон в колокол должен производиться одним, особо приставленным для этого лицом, посторонним звонить в колокол не разрешалось. Только при соблюдении таких инструкций завод гарантировал длительное служение своего изделия.

Перечень мест, куда отправлялись колокола этого завода, был весьма обширен: в собор Риги – звон в 1400 пудов, в село Озеры Коломенского уезда – звон 1000 пудов. В списке – села Павлово и Константиново на Оке, родина Сергея Есенина. Отправлялись колокола и за границу – в Париж, Сан-Франциско, Токио, на Афон, в Старый Иерусалим, в Константинополь, в Сербию, Румынию, Черногорию. Звон в 1300 пудов был отправлен в Болгарию, в храм для вечного поминовения воинов, павших в русско-турецкую войну в боях на Шипке. И по сей день над Казанлыкской долиной разносится звон колоколов.

Колокола завода Финляндского, особенно отлитые по заказам, считаются уникальными, последними памятниками колокольно-литейного искусства в России XIX – начала XX века. Их сохранилось немного, им чрезвычайно не повезло в кампанию по снятию колоколов, ведь висели они главным образом не на рядовых церквях. Впрочем, снимали все, без разбора, не вникая ни в художественную, ни в историческую их ценность, соревнуясь в холуйском безбожном рвении.

А теперь расскажем о наиболее знаменитом звонаре, виртуозе колокольного звона, сведения о котором сохранились.

Совершенно уникальным

был в Москве в 1920-х годах талант музыканта, звонаря К.К.Сараджева. Он считал колокол самым совершенным музыкальным инструментом, наперечет знал лучшие московские колокола. Его мечтой было собрать нужные ему колокола на одной из московских звонниц и давать колокольные музыкальные концерты. А пока что он звонил в церкви Святого Марона в так называемом Бабьем городке близ Якиманки. Многие московские композиторы, музыканты приходили к этой церкви послушать его звоны, но, к сожалению, их записей нет, но А.И.Цветаева, знавшая Сараджева и слышавшая его звоны, оставила воспоминания в своей книге «Мастер волшебного звона».

«...И все-таки звон ворвался неожиданно, взорвал тишину... Слово небо рухнуло! Грозовой удар! Гул – и второй удар! Мерно, один за другим рушится музыкальный гром, и гул идет от него... И вдруг – заголосило, залилось птичьим щебетом, залихватым пением неведомых больших птиц, праздничном колокольном ликования! Перекликание звуков светлых, сияющих на фоне гуда и гула. Переменяющиеся мелодии, спорящие, уступающие голоса... Оглушительно неожиданные сочетания, немыслимые в руках одного человека. Колокольный оркестр!»⁷

В своей теории «Музыка-колокол» Сараджев утверждал, что различает в октаве 1701 тон. Появись он в другое время, возможно, и осуществил бы свою мечту и колокольные звоны Москвы получили иное, новое развитие, но началось гонение на религию. Сначала был запрет на колокольные звоны, а затем стали снимать колокола на переплавку. Погибли многие тысячи бесценных колоколов, колокольные осиротели. Казалось, исчез целый пласт культуры, совершенно не-

изученный и длительное время считавшийся ненужным, как «пережиток прошлого», но несший в себе многовековую историю христианства, оказался выброшен на обочину истории.

Но все возвращается на круги своя. Реставрируются, открываются старые храмы, строятся новые – снова в России льют колокола. В Москве вот уже несколько фирм изготавливают колокола, но, бесспорно, лидером выступает здесь акционерное общество под названием ЛИТЭКС.

Колокола этой фирмы отличаются великолепным звучанием и красивым художественным оформлением. Изготовление колоколов столь высокого уровня не случайно: на производстве работают специалисты, влюбленные в свое дело и не новички в литейном деле. Иные работали по десять и более лет начальниками литейных цехов, имеют ученые степени, но теперь, в изменившихся условиях нашей жизни, перешли на литье колоколов: по их выражению, «всегда хотелось отлить колокол».

Значит, звучать «красно-му звону» над Москвой!

Примечания

¹ Олсарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906. С. 326.

² Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII веках. М., 1862. Т I С. 115.

³ Москва в 1812 году: Исторический очерк к столетию Отечественной войны. М., 1912. С. 173.

⁴ Георгиевский Г. П. Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М. 1995. С.138.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1979. С. 51–52.

⁷ Цветаева А.И. Н.К.Сараджев. Мастер волшебного звона. М., 1986. С. 15.